

The book cover features a man and a woman in formal attire against a city skyline at night. The man, on the left, is wearing a dark, patterned suit with a white shirt and a dark tie. A gold-colored badge is pinned to his lapel. The woman, on the right, is wearing a light-colored, sleeveless dress. She has dark hair styled in an updo and is wearing a small, round earring. The background shows a city skyline with illuminated buildings. The title 'ИМПЕРИЯ ДЛЯ ДВОИХ' is written in large, glowing yellow letters across the center. The author's name 'D. K. РЁШ' is written in large, glowing yellow letters at the bottom. A small circular logo with '18+' is in the bottom right corner.

ИМПЕРИЯ ДЛЯ ДВОИХ

D. K. РЁШ

18+

Д. Рейн

Империя на двоих

<https://litres.ru/74232187>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она пахла корицей и бедностью. Он — властью, способной купить страну за секунду до краха. Марк Волков предложил нищей официантке Лейле фиктивный брак ради спасения её бабушки от рака.

Но в мире акул кровь всегда солонее морской воды.

Лейла не стала красивой куклой в золотой клетке. Она начала свою игру: шантажировала топ-менеджмент через рецепты выпечки и сливала компромат конкурентам. Публичное унижение обернулось триумфом, а попытка развода — войной корпораций.

Теперь у них общая цель: уничтожить предателей и построить империю Востока. Но главная битва разворачивается в спальне с бронированными дверями, где ледяная ненависть плавится в испепеляющую страсть. Сможет ли дочь трущоб удержаться на троне рядом с королем, который привык владеть всем... включая ее сердце?

Содержание

Глава 1. Запах корицы и ледяные глаза	4
Глава 2. Стеклянная клетка	15
Глава 3. Западное крыло	28
Глава 4. Утренний брифинг	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Империя на двоих

Глава 1. Запах корицы и ледяные глаза

Лейла ненавидела запах денег. Он был приторно-сладким, с нотками дорогого парфюма и жженой бумаги от кредитных карт «Блэк эдишн». В их маленькой кофейне на окраине города пахло иначе: горькой арабикой, старой деревянной мебелью и немного отчаянием.

Она стояла за барной стойкой, протирая и без того чистую кофемашину, когда над дверью звякнул колокольчик. Резко, зло, словно посетитель швырнул в него камнем.

На пороге стоял он. Марк Волков. Даже не зная его фамилии, Лейла узнала бы этот профиль из любой точки вселенной. Узкий нос, идеально очерченные скулы и губы, которые, судя по светской хронике, никогда не знали слова «нет». На нем было пальто цвета слоновой кости, которое стоило как годовой запас зерен для всей их кофейни.

— Американо, — бросил он, даже не глядя на меню. Его голос звучал так, будто он отдавал приказ об увольнении.

Лейла молча повернулась к кофемашине. Ее пальцы привычно забегали по кнопкам. Она чувствовала его взгляд спиной — тяжелый, оценивающий, скользящий по ее выцвет-

шей форме официантки, по дешевому пластиковому браслету на запястье.

— Сахар? — сухо спросила она, ставя перед ним белую керамическую чашку.

Марк медленно перевел взгляд с чашки на нее. Его глаза были холодными, почти прозрачными, цвета мокрого асфальта.

— Ты серьезно думаешь, что я пью американо с сахаром? — уголок его рта дернулся в усмешке, которая не затрагивала глаз. — Я просил двойной эспresso. Ровный. Без твоего дешевого сиропа и корицы. И желательнo сегодня, а не после твоей смены.

Внутри у Лейлы всё закипело. Не от страха. От унижения. За сегодняшний день это была уже третья попытка самоутверждения со стороны «хозяев жизни», решивших зайти в дыру вроде «Старого маяка».

— Написано «Американо», — ровным голосом ответила она, кивнув на чек, который торчал из-под блюда. — Если зрение позволяет читать ценники, оно должно позволять прочесть и название напитка. Двойной эспresso будет стоить триста рублей. Деньги вперед.

По залу прошелестел ветерок. Марк замер. Кажется, впервые за последние лет двадцать кто-то посмел отказать ему в сервисе или потребовать деньги *до* выполнения капризов.

Он положил на стойку черную металлическую карту.

— Пробивай, — процедил он. — А потом сделаешь мне

кофе. Правильный. И принесешь извинения.

Лейла взяла карту двумя пальцами, словнодохлуюмышь, провела через терминал и демонстративно бросила чек обратно на стойку.

— Ваш фискальный документ. Кофе будете ждать здесь. Правила заведения запрещают отдавать напитки без оплаты.

Она ушла в подсобку, оставив его стоять посреди зала под недоуменными взглядами двух студентов. Ей нужно было десять секунд, чтобы выдохнуть. Руки мелко дрожали, но не от волнения — от ярости. Ненависть к нему была чистой, концентрированной. Он олицетворял всё то, чего она боялась и презирала: холодный расчет, власть, уверенность в том, что весь мир — это шведский стол, накрытый исключительно для него.

Когда она вернулась, Марк сидел за единственным шатающимся столом у окна. Сидел вальяжно, вытянув бесконечно длинные ноги в дорогих ботинках прямо в проход. Он пил воду из своего стакана маленькими глотками, наблюдая за ней поверх края.

Лейла поставила крошечную чашку с густой черной жидкостью точно на край стола, подальше от его рук. Пар обжег ей пальцы.

— Ваш эспрессо, — сказала она. — Ровный. Горячий. Бесплатная консультация по этикету в подарок. Следующий раз, когда захотите кого-то унижить, попробуйте начать с зеркала.

Она развернулась, чтобы уйти, но его голос остановил ее:
— Твои руки.

Лейла обернулась.

— Что?

— Покажи руки, — приказал Марк.

Это было настолько абсурдно, что она на секунду растерялась. Но вместо того, чтобы подчиниться, она скрестила руки на груди, пряча ладони.

— Еще один приказ, господин Волков, и я вылью остатки кипятка вам на колени. Уверена, химчистка вашего пальто обойдется дешевле, чем мой судебный иск за домогательства.

Впервые за всё утро в его прозрачных глазах промелькнуло что-то живое. Удивление. А затем — сухой, короткий смешок. Он смеялся тихо, но искренне, откинув голову назад. Звук получился опасным и притягательным.

— Смелая нищенка, — засмеявшись, сказал он, доставая из внутреннего кармана пальто визитку. Плотный черный картон, золотое тиснение. Бросил ее на стол. — Это адрес моего офиса. Завтра в девять утра. Третья дверь направо. Секретарь тебя проводит.

— Мне не нужна работа, — отрезала Лейла, хотя счета за аренду квартиры лежали в кармане формы, грозя прожечь дыру.

— Мне тоже много чего не нужно, — пожал плечами Марк. — Например, твой тон. Но ты там будешь. Потому что

моя бабушка умирает от рака. Четвертая стадия. Химиотерапия сожрала её иммунитет. Последние три месяца единственное, что она просит, кроме морфия — это рахат-лукум. Тот самый, который делает ваша семья. Из лавки на углу Цветного бульвара.

Лейла почувствовала, как пол уходит из-под ног. Рахат-лукум. Фирменный рецепт их семьи, передававшийся от прабабушки-татарки. Нежный, с розовой водой и фисташками. Никто вне диаспоры не знал правильного рецепта.

— Вы следили за мной? — прошептала она.

— Служба безопасности пробивает всех, чье сырье попадает ко мне на стол, — равнодушно ответил он. — Моя задача проста. Ты выходишь за меня замуж. Мой семейный кодекс требует законной жены для управления наследством, пока я буду заниматься слиянием активов. Взамен твоя семья получает доступ к лучшим онкологам мира и счет, который покроет долги вашей жалкой кофейни. Бабушка доживет остаток дней в комфорте. Все счастливы. Кроме тебя, разумеется. Но тебе ведь не привыкать терпеть ради своих, да?

Мир сузился до размеров этой проклятой черной визитки на столе. Продать себя. Стать красивой куклой в его стеклянном пентхаусе. Улыбаться на благотворительных вечерах, пока внутри всё гниет от омерзения.

Но перед глазами встало лицо бабушки Марка — высохшее, бледное, с фотографией которой он иногда заходил в их семейную кондитерскую еще подростком, до того как

стал акулой бизнеса. И лицо собственной матери, считающей каждую копейку, чтобы оплатить курсы английского для младшего брата.

Ненависть никуда не делась. Она просто стала глубже, осмысленнее. Теперь у нее было имя, номер телефона и цена.

Лейла медленно подошла к столу. Наклонилась, сгребла визитку длинными пальцами и выпрямилась, глядя Марку прямо в его ледяные глаза. Ни тени покорности.

— Я приду завтра в девять, — произнесла она так тихо, что ему пришлось напрячь слух. — Но запомни одну вещь, Марк. Этот брак будет фиктивным только на бумаге. Свою душу, свое тело и свой чертов рахат-лукум я тебе не продала. Ты купил себе юридическую ширму. А приобрел врага, который спит в соседней спальне. Добро пожаловать в ад.

Она положила визитку в карман его дорогого пальто, висевшего на спинке стула, развернулась и пошла мыть рожок кофемашины. Лейла стояла у кофемашины, механически протирая рожок, будто от того, насколько идеально блестит металл, зависело, распадётся ли её мир на осколки. В зале повисла тишина — та самая, что бывает перед грозой. Студенты у окна переглянулись и, не сговариваясь, потянулись к курткам: чуяли, что сейчас лучше оказаться где угодно, только не здесь.

Марк не ушёл. Он остался сидеть у окна, вытянув ноги, будто ничего не произошло. Будто только что не перевернул её жизнь одним предложением. Он медленно поставил пу-

стую чашку, провёл пальцем по краю — ровно, без спешки, как человек, привыкший, что время всегда работает на него. Потом достал телефон, скользнул взглядом по экрану и снова поднял глаза на Лейлу. Не на её лицо — на руки, всё ещё спрятанные в складках фартука.

Лейла почувствовала этот взгляд, как укол. Она не опустила голову, не спряталась. Наоборот — расправила плечи, будто натягивала броню. Её пальцы сжались на тряпке, и в груди снова вспыхнула та самая ярость — чистая, без примеси страха. Она знала, что делает. Знала, на что соглашается. И знала, что ни за что не позволит ему увидеть, как ей страшно.

Дверь звякнула, и в кофейню влетела тётя Зина, хозяйка «Старого маяка». Она всегда появлялась именно тогда, когда напряжение становилось невыносимым, будто чувствовала эти волны кожей. На ней был старый вязаный кардиган и фартук с пятном от сиропа, которое не отстирывалось уже третий год. Она окинула зал быстрым взглядом, схватила суть ситуации в одно мгновение — Марк, напряжённая Лейла, студенты, собирающие вещи, — и тут же взяла инициативу в свои руки.

— Ну-ка, ну-ка, — проговорила она, подходя к стойке и ставя на неё пакет с булочками. — А это кто у нас тут такой важный? Американо не понравился? Или эспрессо слишком горячий?

Марк даже не повернул головы. Он смотрел на Лейлу, буд-

то тётя Зины и не существовало. Но та не привыкла к такому обращению. Она упёрла руки в бока и прищурилась.

— Слышь, красавчик, тут у нас не пятизвёздочный отель. Тут люди работают. Если хочешь кофе — пей и иди. А если хочешь кого-то строить — выходи на улицу и командуй голубями. Они терпеливее.

На секунду в глазах Марка мелькнуло что-то похожее на уважение. Или, может, просто удивление — что кто-то посмел заговорить с ним в таком тоне. Он чуть наклонил голову, словно оценивая тётю Зину заново.

— Мне уже всё принесли, — спокойно ответил он, кивнув на чашку. — И я уже договорился с вашей сотрудницей. Завтра она будет у меня в офисе.

Тётя Зина перевела взгляд на Лейлу. Та едва заметно качнула головой — не в отрицании, а в предупреждении: не спорь, не лезь. Но тётя Зина никогда не умела слушать такие сигналы.

— С какой это стати? У неё смена до восьми. И потом, у неё семья, дела...

— Это не обсуждается, — коротко бросил Марк, и в его голосе прозвучала та самая сталь, от которой у Лейлы внутри всё сжималось.

Лейла шагнула вперёд, закрывая собой тётю Зину. Не потому, что боялась за неё — а потому, что знала: если тётя Зина сейчас скажет ещё хоть слово, эта ситуация выйдет из-под контроля.

— Всё в порядке, тётя Зина, — тихо, но твёрдо сказала она. — Я сама разберусь. У меня... личные дела.

Тётя Зина посмотрела на неё долго, внимательно, будто пыталась прочесть между строк. Потом вздохнула, сняла фартук и повесила его на крючок.

— Ладно. Но если что — ты знаешь, где меня найти. И помни: ты не обязана делать то, чего не хочешь. Даже ради всех нас.

Лейла кивнула, но ничего не ответила. Слова застряли в горле. Она знала: она уже сделала выбор. Не потому, что хотела, а потому, что должна.

Когда тётя Зина ушла в подсобку, Марк наконец поднялся. Его пальто цвета слоновой кости скользнуло по спинке стула, как тень. Он подошёл к стойке, не спеша, будто у него впереди была вся жизнь, а не какие-то минуты. Остановился напротив Лейлы, так близко, что она могла разглядеть мельчайшие детали: тонкую золотую цепочку под рубашкой, едва заметную морщинку у уголка глаза, которую не скрывал идеальный фасад.

— Ты думаешь, что победила, потому что поставила меня на место, — тихо сказал он, почти шёпотом, чтобы слышала только она. — Но ты не понимаешь, как устроена моя игра. В ней нет победителей. Есть только те, кто держится на плаву дольше остальных. Завтра в девять. Не опаздывай.

Он развернулся и вышел, оставив после себя запах дорогого одеколona и ту самую тишину, которая теперь казалась

оглушительной. Колокольчик над дверью звякнул уже не зло, а как-то устало, будто сдался.

Лейла осталась стоять за стойкой, сжимая в руке тряпку так, что побелели костяшки. Она смотрела на чёрную визитку, торчащую из кармана его пальто, которое так и осталось висеть на стуле. Пальто, которое стоило больше, чем она зарабатывала за полгода.

Она подошла к нему, медленно вытащила визитку и положила её на стойку. Потом сняла фартук, аккуратно свернула его и убрала в шкафчик. Её движения были спокойными, размеренными — будто она готовилась не к битве, а к долгой дороге.

В подсобке тётя Зина наливала себе чай. Она подняла глаза, когда Лейла вошла, и молча подвинула ей чашку. Лейла села напротив, обхватила тёплую керамику ладонями и наконец позволила себе выдохнуть.

— Он хочет, чтобы я вышла за него замуж, — сказала она просто, без предисловий. — Фиктивный брак. Взамен — лечение для моей бабушки и деньги для нас.

Тётя Зина не ахнула, не всплеснула руками. Она просто кивнула, будто знала, что этот день когда-нибудь наступит.

— А ты что думаешь?

Лейла посмотрела в окно, за которым город уже зажигал первые огни. Вечер опускался на улицы, пряча их в полумраке.

— Я думаю, что иногда приходится играть по чужим пра-

вилам, чтобы спасти своих. Но это не значит, что я приму его правила навсегда. Я войду в его мир, тётя Зина. И я изменю его изнутри.

Она подняла чашку и сделала глоток. Чай был горячим, чуть горьковатым — как и всё, что ждало её впереди. Но в этой горечи была и сила. Сила, которая нужна была ей, чтобы не сломаться.

Завтра в девять она будет в его офисе. И пусть он думает, что купил себе ширму. Он ещё не знает, что эта ширма может стать зеркалом — и в нём он увидит себя настоящего. Без прикрас. Без брони. И тогда начнётся настоящая война.

Глава 2. Стекло́нная клетка

Офис Марка Волкова на сорок втором этаже «Башни Меркурий» давил на барабанные перепонки абсолютной, стерильной тишиной. Здесь не было места запаху корицы или шуму старого города. Только гул климат-контроля, едва уловимый аромат сандала и холодное свечение мониторов.

Лейла сидела в кресле для посетителей, чувствуя себя уличным котом, которого силком затащили в музей хрусталья. Ее старые джинсы казались здесь актом агрессии, а потертые кеды оставляли воображаемые царапины на идеальном ореховом паркете.

Марк появился ровно в девять ноль-ноль. Ни секундой раньше, ни секундой позже. На нем был костюм темно-серого цвета, который стоил больше, чем ее отец заработал за всю жизнь на заводе. Он двигался бесшумно, как хищник в вольере, привыкший к тому, что добыча сама идет в пасть.

— Ты надела то же самое, — констатировал он вместо приветствия, окидывая Лейлу взглядом, которым патологоанатом смотрит на свежий труп. — Это бунт? Или у тебя просто нет другой одежды?

— Это моя лучшая форма протеста, — парировала она, закидывая ногу на ногу. — Демонстрация социального неравенства прямо под носом у капиталиста. Нравится?

Его губы снова тронула та самая опасная усмешка из ко-

фейни. Марк обошел свой стол из цельного массива дуба, занимая место во главе этой стеклянной империи.

— Юристы подготовили черновик брачного контракта, — он толкнул по столу кожаную папку. — Ознакомься. Там всё просто. Мы женимся завтра. В пятницу утром даем пресс-релиз о слиянии капиталов ради спасения семейного наследия. В субботу летим в Лондон на совет директоров моей корпорации. Жить будем в восточном крыле моего дома. Западный остается моим. Раздел территории, чтобы ты случайно не отравила меня в первую брачную ночь.

Лейла открыла папку. Текст плыл перед глазами, напичканный терминами вроде «бенефициар», «неотторжимое имущество» и «конфиденциальность уровня А1». Она захлопнула папку.

— Я подпишу это только после того, как врачи подтвердят перевод бабушки в клинику Цюриха, — сказала она. — И пока я не увижу своими глазами договор об оплате лечения до конца ее дней. Деньги вперед, Марк. Ты сам вчера установил правила игры.

Он откинулся в кресле, сцепив пальцы в замок.

— Доверие — ресурс дорогой, а ты сейчас выглядишь так, будто готова украсть даже скрепки со стола. Но твоя взяла. Документы уже отправлены курьером в твою... квартиру.

Слово «квартиру» он произнес с таким нескрываемым отвращением, словно говорил о ночлежке для бездомных.

— Свадьба будет камерной, — продолжил он. — Десять

человек. Мои юристы, мой врач, мои родители — они подключатся по видеосвязи из Монако, им вреден московский смог. Твои родители. И регистратор. Никакого белого платья. Оно оскорбляет мой вкус. Найдешь что-то нейтральное. Темно-синее. Не напоминающее форму официантки.

— А медовый месяц? — съязвила Лейла. — Тур выходного дня в Химках? Или мне запрещено покидать стеклянную клетку?

— Медового месяца не будет, — его голос стал стальным. — Будет работа. Моя жена должна уметь держать вилку в левой руке и не путать Каберне с Мерло, когда мы принимаем арабских инвесторов. С этого момента твой кредитный лимит — полмиллиона рублей в неделю. Персональный ассистент пришлет тебе список правил дома. Выезд за пределы Москвы — только с моего письменного разрешения. Вопросы есть?

Вопросов была тысяча. Почему она не ударила его кофемашиной еще вчера? Как долго можно дышать одним воздухом с человеком, чья токсичность превосходит химикаты для чистки двигателей?

Но вместо этого она встала.

— Один вопрос. Когда ты в последний раз спал дольше трех часов? Или твое сердце тоже сделано из стекла и титана? Боишься заржаветь от простых человеческих эмоций?

Удар попал точно в цель. Пальцы Марка, лежавшие на столе, на долю секунды сжались в кулак. Прозрачные глаза по-

темнели, став почти черными. Он медленно поднялся, обогнул стол и подошел к ней вплотную. Пространство между ними накалилось. Теперь пахло не сандалом — озоном, как перед грозой.

— Эмоции — это непроизводительные издержки, Лейла, — процедил он ей в лицо. Его дыхание коснулось ее кожи. — Они ведут к ошибкам в расчетах. К потере контроля. А контроль — единственное, что отделяет таких, как я, от таких, как ты. От падения обратно в грязь, из которой вы все выползли. Запомни: ты — мой самый рискованный актив. И я застраховал каждый миллиметр твоей жизни.

Он отступил, возвращаясь к монитору, давая понять, что аудиенция окончена.

— Машина отвезет тебя домой. Ассистент свяжется через час. Не опаздывай завтра. ЗАГС терпеть не может ждать.

Квартира встретила ее запахом жареного лука и отчаянием. Мать металась между плитой и телефоном, пытаясь одновременно приготовить ужин и дозвониться до страховой компании. Пятнадцатилетний Тимур делал уроки, сидя на кухонном подоконнике, потому что единственный стол в комнате был завален чертежами.

Когда Лейла положила на этот самый стол пухлый кремовый конверт от юридической конторы «Волков и партнеры», мать замерла с половником в руке.

— Что это? — прошептала она. — Лейла, если это кол-

лекторы...

Внутри были билеты бизнес-класса до Цюриха на имя их бабушки, оформленная страховка международного класса и письмо от клиники с пометкой «Экстренная госпитализация сегодня в 16:00». Денег хватило бы купить весь этаж их старой панельки.

Тимур заглянул через плечо сестры.

— Круто. Кто умер? — спросил он, но осекся, увидев бледное лицо Лейлы.

— Хуже, — глухо ответила она. — Я вышла замуж.

Она рассказала всё. О рахат-лукуме, четвертой стадии и брачном контракте толщиной с кирпич. По мере рассказа лицо матери серело.

— Ты продала себя этому... этому волку? Ради нас? — в глазах матери заблестели слезы ярости и беспомощности. — Да лучше бы мы заложили эту квартиру! Лучше бы пошли по миру!

— У нас нет времени закладывать квартиру, мама, — Лейла взяла ее дрожащие руки в свои. Руки, изъеденные артритом от постоянной варки кофе. — Бабушка умрет через пару месяцев. А рак съедает ее прямо сейчас. Я делаю это добровольно. Это сделка. Холодная, мерзкая, но честная.

— Ты будешь жить с ним в одном доме? — тихо спросил Тимур. Впервые в его подростковом голосе не было сарказма, только животный страх за сестру.

— Буду, — кивнула Лейла. — Но спать мы будем в раз-

ных спальнях. Я заставляю его уважать эти границы. Или он пожалеет, что вообще вытащил меня из-за стойки «Старого маяка».

Вечером приехал курьер. Второй экземпляр контракта, теперь подписанный Марком, и черная банковская карта. А вместе с ними — планшет с правилами проживания в резиденции Волковых.

Лейла открыла его, пробежала глазами по первым пунктам и горько рассмеялась:

«Пункт 1. Супругам запрещено вступать в интимные отношения. Нарушение аннулирует медицинскую страховку госпожи Ибрагимовой (бабушки).

Пункт 2. Перемещение по западному крылу после 23:00 фиксируется камерами и считается нарушением прайвеси.

Пункт 3. Личный гардероб супруги курирует стилист дома Диор...»

Она остановилась на третьем пункте. Диор. Значит, белый флаг не принимается. Война переходит из окопов в высший свет.

Лейла подняла взгляд на свое отражение в темном экране выключенного телевизора. Из зазеркалья на нее смотрела чужая девушка с горящими ненавистью глазами. Завтра она переступит порог его дома не как бедная родственница.

Она вошла туда как шпионка. Единственной слабостью Марка Волкова была его умирающая бабушка, и Лейла собиралась использовать каждую слезу старушки, чтобы вбить

первый клин в броню самого холодного человека в Москве.

Лейла закрыла планшет с такой силой, что экран на мгновение вспыхнул, высветив на долю секунды ещё несколько пунктов — про запрет на личные звонки, про обязательный дресскод на каждый приём, про то, что даже цветы в её комнате будут выбирать не она. Она отложила его в сторону, буд-то это была ядовитая змея, и посмотрела на брата. Тимур сидел на подоконнике, подтянув колени к груди, и смотрел на неё так, как смотрят на человека, который только что шагнул в клетку к хищнику.

— Ты правда это подпишешь? — тихо спросил он.

Лейла провела ладонью по обложке контракта. Плотная бумага, золотое тиснение, запах типографской краски — всё это казалось насмешкой над их кухней, где даже чайник свистел както подомашнему, победному, без всякой роскоши.

— Подпишу, — твёрдо сказала она. — Но не потому, что он сильнее. А потому, что у него есть то, чего нет у нас: деньги, связи, возможность спасти бабушку. А у меня есть то, чего нет у него: я знаю, что такое терять. И я не позволю ему превратить это в игру.

Мать всё ещё стояла у плиты, но половник давно лежал на столе. Её лицо было серым, измученным, но в глазах уже не было только ярости — там появилась странная, горькая гордость.

— Ты всегда была упрямой, — прошептала она. — Ещё с детства. Если тебе говорили «нельзя», ты делала именно это.

Но сейчас... сейчас ты делаешь это не из упрямства, да?

— Сейчас я делаю это из расчёта, — ответила Лейла, и в её голосе прозвучала непривычная жёсткость, словно она примеряла на себя новую броню. — Он думает, что купил себе ширму. Что я буду стоять рядом, улыбаться, не задавать вопросов. Но я буду задавать. Я буду смотреть. И если он хоть раз забудет, ради чего мы это делаем, я напому ему про бабушку. Про её глаза. Про то, как она когда-то угощала его рахатлукумом, когда он был просто мальчишкой, а не акулой бизнеса.

Тимур встал с подоконника, подошёл к сестре и неожиданно обнял её — крепко, побратски, так, что Лейла на секунду закрыла глаза, чтобы не расплакаться.

— Если он тебя обидит, — прошептал он ей на ухо, — я найду способ ему отомстить. Даже если для этого придётся взломать его серверы.

Лейла улыбнулась — впервые за этот день понастоящему, без горечи.

— Спасибо, Тимурка. Но мне не нужна месть. Мне нужно, чтобы всё это закончилось. Чтобы бабушка поправилась, чтобы мы снова могли сидеть на этом подоконнике и спорить, кто моет посуду.

Она села на край стола, взяла планшет и снова открыла список правил. На этот раз она читала не с гневом, а с холодным вниманием, будто изучала карту вражеской территории. Пункт за пунктом. Запрет за запретом. И с каждым словом

её лицо становилось всё спокойнее, а взгляд — острее.

«Пункт 7. Супруга обязана присутствовать на всех официальных приёмах. Отсутствие допускается только по письменному разрешению супруга или врача». «Пункт 12. Личные вещи, привезённые супругой в резиденцию, подлежат досмотру службой безопасности».

Лейла хмыкнула.

— Досмотр? — переспросила она вслух. — Значит, мой старый плюшевый медведь, которого мама сшила мне в детстве, тоже должен получить пропуск с фотографией?

Мать слабо улыбнулась, впервые за вечер.

— Возьми его с собой, — сказала она. — Пусть будет там, в этом стеклянном дворце, кусочком нашего дома. Чтобы ты не забыла, кто ты.

Лейла кивнула. Она уже знала, что возьмёт с собой не только медведя. Она возьмёт запах корицы, который навсегда остался в её памяти от семейных рецептов. Возьмёт голос тёти Зины, которая всегда говорила: «Не позволяй никому делать из тебя жертву». И возьмёт эту кухню — с её жареным луком, старыми обоями и бесконечными разговорами у окна.

Ночью она почти не спала. Сидела на кровати, глядя в темноту, и перебирала в голове каждую деталь: как будет держаться, что скажет, как не позволит Марку увидеть её страх. Она знала, что завтра её ждёт не просто свадьба — это будет первый раунд их войны. И она должна выйти из него

не побеждённой, а готовой к следующему удару.

Когда первые лучи солнца коснулись подоконника, Лейла встала, умылась холодной водой и посмотрела на себя в зеркало. В её глазах всё ещё горела ненависть, но теперь к ней примешивалось что-то новое — спокойная уверенность. Она не собиралась становиться его тенью. Она собиралась стать его зеркалом — таким, в котором он увидит не только своё отражение, но и трещины в собственной броне.

На кухне мать уже заваривала чай. Тимур, не дожидаясь будильника, сидел за столом, листая какой-то учебник. Всё было как обычно. И в этом «как обычно» была сила — та самая, которая держала их семью на плаву все эти годы.

— Я возьму с собой немного рахатлукума, — вдруг сказала Лейла. — Для бабушки. Пусть она почувствует хоть что-то родное.

Мать кивнула, и в её глазах снова блеснули слёзы, но на этот раз — не от отчаяния, а от гордости.

— Она будет рада, — тихо сказала она. — И знаешь... может быть, в этом огромном доме найдётся уголок, где ты сможешь снова готовить его. Не для продажи, не для кого-то, а просто потому, что это часть тебя.

Лейла улыбнулась. Мысль о том, что в этом холодном дворце она сможет хоть что-то сделать своими руками, принесла странное, почти забытое чувство — надежду. Не на счастье, не на любовь, а на то, что она сможет сохранить себя.

В дверь позвонили — курьер принёс ещё один пакет: тём-

носинее платье, выбранное стилистом. Оно было простым, элегантным, без лишних деталей, но Лейла сразу поняла: это не её выбор. Это был выбор Марка — чтобы она выглядела так, как ему удобно.

Она развернула ткань, провела пальцами по шву и вдруг почувствовала, как внутри снова закипает злость. Но на этот раз она была не разрушительной — она была созидательной. Она надела платье, посмотрела на себя в зеркало и тихо произнесла:

— Пусть думает, что приручил меня. Пусть думает, что я стала такой, как ему нужно. Но внутри я останусь прежней. И однажды он поймёт, что не клетку построил, а запустил в неё ураган.

Машина приехала ровно в восемь тридцать. Чёрный седан с тонированными стёклами остановился у подъезда, словно подчёркивая, насколько сильно меняется её жизнь. Лейла взяла сумку, в которой лежали плюшевый медведь, пакетик с рахатлукумом и старый блокнот с рецептами, и вышла из квартиры, не оглядываясь.

— Мы справимся, — сказала она, останавливаясь на пороге и глядя на мать и брата. — Всё будет хорошо.

И, не дожидаясь ответа, закрыла дверь.

Путь до ЗАГСа занял сорок минут. За окнами мелькали улицы, которые она знала всю жизнь: старые дворы, ларьки, вывески, знакомые до боли. А потом город сменился стеклянными фасадами, широкими проспектами и бесконечным

потоком дорогих машин. Она смотрела на это всё и понимала: она переходит границу. Из одного мира в другой. И теперь ей придётся научиться дышать в этом новом воздухе — холодном, стерильном, пропитанном деньгами и властью.

Когда машина остановилась у здания ЗАГСа, Лейла глубоко вдохнула и вышла. У входа её уже ждал Марк. В безупречном костюме, с идеально уложенными волосами, он выглядел так, будто родился для этого дня. Но когда их взгляды встретились, в его ледяных глазах мелькнуло что-то, чего она раньше не видела, — не раздражение, не превосходство, а... интерес. Будто он впервые увидел в ней не просто пешку, а противника, достойного внимания.

— Ты пришла, — сказал он, не делая попытки обнять или подать руку. Просто констатировал факт.

— Я всегда держу слово, — ответила она, поправляя складки платья. — Даже если оно обжигает.

Марк чуть склонил голову, будто оценивая её слова, а потом кивнул в сторону дверей.

— Тогда пойдём. Время — деньги. А у нас их и так уходит слишком много на эту авантюру.

Они вошли в здание, и двери за ними закрылись, отрезая Лейлу от прежней жизни. Но она знала: прошлое не исчезает. Оно остаётся внутри, в памяти, в запахе корицы, в голосе матери, в смехе брата. И именно это поможет ей выстоять в стеклянной клетке, которую Марк считал своей крепостью.

Война только начиналась. И на этот раз Лейла была готова

к ней.

Глава 3. Западное крыло

Двери лифта разъехались с тихим, всасывающим звуком. Лейла шагнула в пентхаус Марка Волкова и тут же споткнулась. Не о порог — о воздух. Он здесь был другим: стерильным, профильтрованным через систему климат-контроля, пахнувшим деньгами и одиночеством.

— Восточное крыло там, — Марк кивнул на бесконечный коридор, освещенный скрытыми диодами. Сам он даже не смотрел на нее, изучая что-то в своем телефоне с золотыми гранями. — Твоя спальня — вторая дверь слева. Моя — в конце коридора. Код от твоей двери привязан к твоему отпечатку. К моей тебе доступа нет.

— Какое облегчение, — бросила Лейла, перехватывая ручку единственного своего чемодана. Весь ее прошлый мир уместился в один скромный бордовый пластик. — Надеюсь, между нами хотя бы кирпичная стена?

— Бронестекло триплекс со звукоизоляцией, — сухо ответил он, наконец убирая телефон. — Ужин в восемь. Форма одежды — парадная. Мы спускаемся в ресторан «Высота», чтобы пресса увидела кольца. Мой пиарщик уже готовит заголовки.

Он развернулся и ушел в свой кабинет, оставив ее посреди мраморного холла.

Лейла выдохнула. Она ожидала увидеть золото, лепнину

и мертвых животных на стенах — всё то кричащее богатство, которое показывают в фильмах про русских олигархов. Но квартира Марка напоминала дорогой склеп или операционную. Минимум мебели, острые углы, черный камень и белый металл. Ни одной фотографии. Ни единой книги. Только огромная абстрактная картина, похожая на засохшую кровь.

Ее спальня оказалась такой же безликой. Огромная кровать, застеленная бельем цвета слоновой кости, панорамное окно во всю стену с видом на оголенные провода старой Москвы где-то далеко внизу, и гардеробная размером с их бывшую кухню. Внутри — пустота. Идеальные деревянные плечики ждали чужих вещей.

В девять вечера приехал стилист.

За час Лейлу превратили в фарфоровую куклу. Темно-синее шелковое платье-футляр стояло как почка, туфли-лодочки впивались в пятки, а бриллиантовые серьги охладили мочки ушей. Когда она посмотрела в зеркало, оттуда на нее взглянула незнакомка — идеальная, дорогая и абсолютно мертвая внутри.

— Вы восхитительны, госпожа Волкова, — прошептала девушка-стилист, собирая свои образцы. — Марк будет доволен.

«Марк может подавиться своим довольством», — подумала Лейла, но вежливо улыбнулась.

Ресторан «Высота» вращался медленно, издевательски плавно. Они сидели за столиком у окна. Марк пил минеральную воду без газа. Лейла мелкими глотками цедила просеко, пытаясь утопить в пузырьках нарастающую панику.

— Правило первое, — тихо произнес Марк, не поворачивая головы к ней, а глядя на суету Тверской внизу. — Ты улыбаешься. Всегда. Особенно когда хочешь вцепиться мне в горло. Прессе нужна красивая картинка слияния двух династий.

— А если меня стошнит прямо на твой Brioni? — так же тихо ответила она. — Это испортит картинку?

Его губы тронула едва заметная ухмылка.

— Просто сглоти. И запомни правило второе. На людях мы называем друг друга по имени только в спальне. Для всех остальных ты — «дорогая», «любимая», «солнце». Я для тебя — «Милый», «родной». Отрабатывай интонацию. Нежную. Покорную.

— Меня вырвет, — честно предупредила Лейла.

— Держись. Осталось десять минут до папарацци.

Они появились ровно в срок. Сквозь толпу метрдотелей к их столику пробился человек с камерой. Вспышка ударила по глазам.

Лейла почувствовала, как рука Марка ложится на ее колено под столом. Жест должен был выглядеть собственническим, интимным. На деле его пальцы сжали ее ногу с силой слесарных тисков. Предупреждение. *Улыбайся.*

Она растянула губы в самой ослепительной улыбке из своего арсенала официантки, привыкшего обслуживать недозволенных гостей. Наклонилась к нему, позволив платью опасно соскользнуть с плеча, и прошептала так, чтобы микрофон журналиста уловил каждое слово:

— Родной, передай соль. У старости такой резкий вкус, боюсь пересолить нашу идиллию.

Марк замер. Его кадык дернулся. Взгляд, брошенный на нее поверх бокала, мог заморозить ад. Но руку с колена он убрал. Журналист, приняв это за смущенную нежность молодого человека, щелкнул затвором еще раз и ретировался.

— Играешь с огнем, — процедил Марк, как только они остались одни.

— Танцую румбу на пепелище, — парировала Лейла. — Кстати, твоя бабушка прислала мне голосовое сообщение. Просила привезти завтра фисташковый рахат-лукум. Тот самый рецепт. Кажется, я становлюсь любимицей семьи быстрее, чем ты планировал.

Домой — язык не поворачивался называть это место домом — они вернулись за полночь. Марк сразу направился к бару в гостиную, наливая себе виски. Впервые за весь вечер идеальный фасад дал трещину. Пальцы, сжимавшие хрусталь, побелели.

Лейла села в кресло напротив, задрав ноги в дорогих туфлях на стеклянный столик. Ноги гудели.

— Зачем тебе этот цирк на самом деле? — спросила она напрямую. — У таких, как ты, брачные контракты обычно защищают каждую копейку от посягательств меркантильных девиц. Мой контракт странный. Там почти ничего моего нет, кроме медицинской страховки для бабушки. Если я умру завтра, ты не потеряешь ни рубля. Значит, дело не в деньгах. Что за активы ты прячешь за этой ширмой? Или кто-то шантажирует тебя внебрачным ребенком, а больная старушка — идеальное прикрытие?

Марк медленно повернулся. Свет падал на его лицо снизу, обостряя тени и делая его похожим на демона. Он сделал большой глоток.

— Твои аналитические способности впечатляют. Для девушки, которая вчера варила латте.

— Варю и сейчас, просто делаю это в кофемашине стоимостью с твою машину, — усмехнулась Лейла. — Так что, Волков? Во что ты втянул свою фиктивную жену?

Он долго молчал. Слышно было только, как лед звенит о стенки стакана. Наконец он подошел ближе, нависая над ней. Вблизи, уставший и злой, он выглядел почти... человеком. Почти уязвимым.

— Дело не в том, что я прячу, — его голос стал низким, вибрирующим. — Дело в том, чего у меня никогда не было. Корпорация переходит ко мне полностью в тридцать лет. До этого дня контрольный пакет акций находится в управлении попечительского совета. Моего дяди.

Лейла прищурилась.

— И дядя против твоего брака.

— Дядя считает, что моя кровь недостаточно голубая для управления империей, которую построил мой дед, — желчно выплюнул Марк. — Он нашел мне партию. Алису Демидову. Дочь сенатора. Союз скрепил бы совет директоров вокруг него. Если я появлюсь на совете холостым, он использует пункт устава об «эмоциональной нестабильности СЕО» и заблокирует мою власть до выяснения обстоятельств. Женатый, респектабельный Волков — это стабильность рынка. Холостой Волков — это риск.

— Поэтому тебе понадобилась самая неподходящая жена в Москве, — догадалась Лейла. — Чтобы показать им фигу. Я настолько низшая лига, что выгляжу как осознанный бунт против системы.

— Именно, — он выпрямился, снова надев маску холодного отчуждения. — Поздравляю, ты была самым дешевым способом насолить моему семейному совету.

— Рада стараться, — Лейла сняла одну туфлю и помассировала ступню. — Но у меня есть встречное условие. Раз уж я теперь щит для твоей корпорации...

— Нет, — отрезал он.

— Дослушай, — подняла она палец. — Мне плевать на твои акции. Но пока я изображаю твою трепетную лань, я буду учиться. Я хочу знать структуру твоей компании. Хочу присутствовать на утренних брифингах. Хочу понимать,

куда текут деньги. Я выхожу замуж за акулу, значит, я тоже стану акулой. Бесплатный доступ к образованию. По рукам?

Марк посмотрел на ее босую ногу, торчащую из-под синего шелка, потом в глаза. В них плясали чертики чистого, незамутненного вызова.

Впервые за весь день он рассмеялся по-настоящему. Громко, раскатисто, запрокинув голову. Звук эхом отразился от стеклянных стен.

— Безумие, — выдохнул он, засмеявшись. — Я женился на безумной нищенке.

— Поправка, — сладко улыбнулась Лейла. — На безумной нищенке с идеальным вкусом в рахат-лукуме и амбициями корпоративного рейдера. Где подписать пропуск в твой кабинет, муж?

Марк швырнул на столик перед ней свою тяжелую платиновую зажигалку.

— Завтра в семь утра. Не опаздывай. И купи себе нормальную обувь. Ходить по стеклу империи босиком — дурной тон.

Он ушел в свое западное крыло, бесшумно закрыв бронированную дверь.

Лейла осталась сидеть в тишине, крутя в руках зажигалку весом в небольшое состояние. Она смотрела на закрытую дверь мужа и понимала две вещи.

Во-первых, она ненавидит Марка Волкова сильнее, чем думала.

А во-вторых, эта игра ей начинает нравиться.

Лейла покрутила в пальцах тяжёлую платиновую зажигалку, потом аккуратно положила её на стеклянный столик — так, будто это был не предмет роскоши, а улика в деле, которое она только начала расследовать. Она посидела ещё минуту, прислушиваясь к тишине пентхауса. Здесь даже тишина была чужой: не уютной, как в их кухне, где сквозь стены пробивались голоса соседей и скрип лифта, а стерильной, выверенной, словно её специально продуцировали, чтобы никто не смел нарушить покой империи Волкова.

Она встала, сбросила вторую туфлю и прошлась по холодному мрамору босиком, оставляя на нём едва заметные следы. Потом подошла к панорамному окну и прижалась лбом к стеклу. Внизу город жил своей жизнью: мигали фары, мелькали огни, кто-то спешил домой, кто-то только выходил в ночь. Там, внизу, всё было настоящим. Здесь, наверху, всё казалось декорацией.

Лейла достала из сумочки маленький пакетик с рахатлукумом — тот самый, что положила туда мать. Развернула шуршащую бумагу и откусила кусочек. Нежный, чуть терпкий вкус с фисташками и розовой водой ударил по рецепторам, мгновенно возвращая её в детство: в те дни, когда бабушка сидела на кухне, помешивая сироп и рассказывая истории про далёкие города. Лейла закрыла глаза, позволяя этому вкусу заземлить её.

— Ты думаешь, я не понимаю, что ты делаешь? — раз-

дался голос Марка из темноты коридора. Он стоял в проёме, уже без пиджака, рукава рубашки закатаны до локтей, галстук ослаблен. В этом виде он казался чуть менее безупречным, чуть более... человеческим.

— Думаю, ты понимаешь, — спокойно ответила Лейла, не оборачиваясь. — Но тебе не нравится, что я делаю это не по сценарию. Ты хотел послушную ширму, а получил партизанскую войну.

Марк подошёл ближе, остановился в паре шагов от неё, тоже посмотрел в окно.

— Ширма не должна иметь амбиций, — произнёс он почти устало. — Ширма должна просто стоять и не мешать.

— Тогда ты выбрал не ту девушку, — Лейла повернулась к нему, держа в руке пакетик. — Хочешь попробовать? Это то, ради чего всё затевалось. То, что делает бабушку счастливой.

Он на секунду замер, будто не знал, как реагировать на такую простую, человеческую вещь. Потом качнул головой:

— Не надо. Я не люблю сладкое.

— Зато ты любишь контроль, — усмехнулась Лейла. — И сейчас ты его теряешь. Потому что я не буду просто улыбаться и кивать. Я хочу знать, как работает твоя империя. Хочу видеть отчёты. Хочу понимать, как твой дядя пытается тебя утопить. И да, я хочу научиться использовать это против него. Не ради тебя. Ради бабушки. И ради себя.

Марк прищурился, изучая её, как будто видел впервые.

— Знаешь, в чём твоя проблема, Лейла? Ты слишком

много думаешь. В моём мире это опасно.

— В моём мире это единственный способ выжить, — парировала она. — Ты купил себе жену. Но ты не купил мои мозги. И если хочешь, чтобы я играла по твоим правилам, тебе придётся дать мне инструменты. Иначе я буду играть по своим.

Он долго смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение — или, по крайней мере, на признание, что перед ним не марионетка.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Завтра в семь утра ты будешь в моём кабинете. Мой ассистент скинет тебе базовый пакет документов: структура холдинга, ключевые активы, схема управления. Но предупреждаю: там нет места эмоциям. Только цифры. И если ты не выдержишь темпа — я не буду тебя спасать.

— Я не прошу спасать, — твёрдо ответила Лейла. — Я прошу дать шанс.

Марк кивнул, будто принимая этот вызов.

— Ещё одно, — добавил он, понизив голос. — Не пытайся использовать бабушку как рычаг давления на меня. Она — единственное, что у меня не продаётся и не покупается.

— Я и не собираюсь, — тихо сказала Лейла. — Я собираюсь её спасти. И, возможно, по пути сломать пару твоих правил.

Он снова усмехнулся, на этот раз без злости, почти с интересом.

— Ты невозможная, — пробормотал он, направляясь к бару. — И, кажется, именно поэтому ты здесь.

Когда он скрылся за поворотом, Лейла выдохнула. Напряжение немного спало, но не исчезло. Она знала: завтра начнётся настоящая битва — не за взгляды и улыбки, а за власть, за информацию, за право быть услышанной.

Она вернулась в свою комнату, сняла платье, аккуратно повесила его в пустую гардеробную — пусть висит, как трофей, который она ещё не заслужила. Надела старую футболку, в которой спала с подросткового возраста, и села на край кровати, глядя на плюшевого медведя, которого положила на подушку. Он выглядел нелепо среди этого холодного минимализма, но именно его нелепость придавала ей сил.

Перед сном она написала короткое сообщение Тимуру: «Всё хорошо. Я справляюсь. Привезу тебе что-нибудь из «Высоты», если там подают что-то съедобное». Ответ пришёл почти сразу: «Главное — не подписывай ничего, не читая. И не позволяй им забрать твой кофе». Лейла улыбнулась. В этом был весь Тимур: даже в такой ситуации он думал о том, что было ей дорого.

Утром её разбудил не будильник, а тихий, механический щелчок — система распознала её отпечаток, и дверь открылась. На пороге стоял ассистент — молодой человек в идеально сидящем костюме, с планшетом в руках и выражением лица, которое говорило: «Я видел всё и ничему не удивляюсь».

— Доброе утро, госпожа Волкова, — произнёс он без тени улыбки. — Ваш пропуск в офис, расписание на день и список необходимых вещей. Завтрак в столовой на этаже. Кофе уже готов.

Лейла кивнула, взяла планшет и быстро пробежала глазами по строчкам. Время, встречи, документы, дресскод... и внизу мелким шрифтом: «Присутствие на утреннем брифинге СЕО. Доступ ограничен. Вопросы — только после согласования с ассистентом».

Она хмыкнула. Ограничен доступ? Значит, придётся искать лазейки.

В столовой её ждал не безликий омлет из доставки, а чашка ароматного эспresso — именно такого, какой она любила: крепкого, чуть горьковатого, без сиропов и сливок. Рядом на блюде лежал крошечный кусочек рахатлукума. Лейла замерла, потом подняла глаза и увидела Марка — он стоял в дверях, наблюдая за её реакцией.

— Это не перемирие, — сказал он, подходя ближе. — Это признание, что ты умеешь варить кофе. И что у тебя есть вкус. Остальное обсудим в кабинете.

Лейла взяла чашку, сделала глоток и почувствовала, как тепло разливается по телу. Не от кофе. От осознания: она здесь не гость. Она игрок. И игра только началась.

Глава 4. Утренний брифинг

Семь утра в офисе Марка Волкова выглядели как военный совет перед наступлением. Огромный стол из черного карбона, за которым сидели двенадцать человек — главы департаментов, финансовый директор и начальник службы безопасности. Все они были одеты в безупречные серые костюмы и смотрели в свои планшеты с выражением глубокой скорби.

Лейла вошла последней. На ней был брючный костюм цвета слоновой кости от того самого дома Диор, который вчера прислал стилист. Ткань стоила целое состояние, но ощущалась на теле как смиренная рубашка.

Разговоры оборвались. Двенадцать пар глаз уставились на нее так, словно в операционную во время пересадки сердца впустили уличную кошку.

— Это что? — ровным голосом спросил Марк, не отрывая взгляда от графика котировок на главном экране. Его пальцы замерли над клавиатурой.

— Твоя жена, — ответила Лейла, занимая пустующее кресло по левую руку от него. Она закинула ногу на ногу, обнажив тонкую щиколотку. — Согласно брачному контракту, я имею право на доступ к управлению семейными активами. А поскольку корпорация строилась твоим дедом для «сохранения наследия», я теперь часть этого наследия. Доброе утро, господа.

Финансовый директор, седой мужчина с лицом, напоминающим выжженную пустыню, нервно поправил очки.

— Марк, у нас утверждение квартального отчета через сорок минут...

— Отчет подождет, — отрезал Марк. В его голосе лязгнул металл. Он впервые поднял глаза на Лейлу. Прозрачная сталь потемнела до грозового неба. — Если моя... супруга хочет приобщиться к высокому искусству выкачивания денег из населения, пусть приступает. Докладывай, Сомов. Только попроще. Представь, что объясняешь это бариста из кофейни.

Сомов побагровел. Лейла же мило улыбнулась Марку уголком губ.

— Я предпочитаю термин «инженер человеческих душ», дорогой. У латте есть душа, просто ты пьешь воду без газа.

Начальник службы безопасности едва заметно хмыкнул в кулак. Кажется, дерзость новой хозяйки начала приносить первые плоды веселья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.